

ПАРАЗИТ

18+

meLogo

Смеклоф Паразит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69657853

SelfPub; 2023

Аннотация

Что вы готовы съесть? А за деньги? А за очень большие деньги? Конечно, сидя экраном компьютера или телефона в своей уютной безопасной квартире, каждый ответит, что существуют «продукты», которые никто не согласится есть ни за какие деньги. Только это в обычной жизни... а в постапокалиптическом будущем, в котором вирус лишил большинство людей вкуса? В таком мире гастрономия может очень сильно измениться.

Смеклоф

Паразит

Я ждал своего реципиента на тротуаре у проезжей части. Мок под дождём и ненавидел его всё сильнее и сильнее. В ресторане ждать было нельзя. Это его пунктик. Он кайфовал, когда мы проходили внутрь вместе.

Улица пряталась в темноте, едва освещаемая тусклыми окнами домов и болезненным миганием фонарей. Они медленно гасли и зажигались вновь, повторяя бесконечный цикл. А когда лампы накалялись, на другой стороне дороги высвечивался щит с социальной рекламой: «Берегись паразитов! Они живут в нас, проникают в желчный пузырь и печень, вызывают воспаление и атопический дерматит. Мойте руки не менее 10 раз в день!». Мне рассказывали, что ленточные черви, когда нечего есть, начинают поедать самих себя. Так они могут сожрать до 95% собственного тела. Оставляют только мозг и нервную систему.

Пока я читал, длинный чёрный лимузин поднял тучу мелких брызг и резко затормозил, залив мои ботинки мутной жижей с радужными разводами.

Машина долго стояла, но даже через непроницаемое тёмное стекло проникал самодовольный взгляд, провожающий каждую дождевую каплю, стекающую по моему лицу. Наконец, подошёл пожилой швейцар с прилипшими к щекам ба-

кенбардами. Взялся мокрой посеревшей перчаткой за хромированную ручку и дёрнул дверь, тут же раскрыв, появившийся словно по волшебству, огромный чёрный зонт. Второй руки у швейцара не было, только плоский рукав камзола, висящий под дождевиком, поэтому ему приходилось фокусничать.

Реципиент не торопился. Высунул в проём двери надутое пузо, обтянутое шёлковой рубашкой. Стукнул каблуком блестящей туфли по влажной ковровой дорожке, тяжело опёрся на подставленную руку швейцара, так что затрясся зонт, и выбрался весь.

– Акцептор, – будто нехотя, выдавил он. – Готовился, не покладая рук?

Тяжёлый голос не позволял его словам висеть в воздухе. Они моментально падали, и, чтобы разобрать скупые фразы, приходилось наклоняться. Может быть поэтому он так обожал поклоны?

Я даже не стал кивать в ответ на фальшивое приветствие, а почапал рядом, примеряясь к его шагам гейши. Но всё равно устал раньше, чем мы прошли в гостеприимно, для него, конечно, распахнутые двери. Когда-то и меня встречали перед ресторанами и провожали под восторженные взгляды к лучшим столикам.

Реципиент тяжело хрипел, выдувая воздух, поэтому на расшаркивания краснощёкого метрдотеля, лишь пренебрежительно махнул опухшей рукой.

Через залы мне тоже приходилось идти рядом. Опустив голову и не находя себе иного оправдания, кроме лютого голода. Я был собачонкой, которую пустили в кухонную подсобку, чтобы наградить обветренной костью. Разница лишь в том, что она не знала, как по-другому наестся, а я не мог.

Ресторан давил тяжёлыми бронзовыми подсвечниками на стенах, массивными каминными часами на полках, пожелтевшей лепниной и больным тусклым светом. От старого, мёртвого величия рот наполнялся густой, горькой слюной разочарования. Почему богатые выскочки всегда предпочитают этот стиль опошленной классики?

Когда мы добрались до ВИП-зоны, в моём животе бурлило так, что реципиент начал плотоядно улыбаться, но чтобы не испортить себе праздник, всё же одарил меня милостью.

В просторной комнате с собственным проходом на кухню, охотничьими гобеленами на стенах и почерневшим скрипучим паркетом ярко светила хрустальная люстра, компенсируя наглухо зашторенное окно. Прежде чем меня усадили за единственный стол, ресторанный гастроэнтеролог с бородавкой на большом пальце взял кровь и соскоб. Мимолётом глянул на зелёный индикатор экспресс-теста и долго возился с моим языком, задевая бородавкой мою щёку. Сначала он осматривал нитевидные и грибовидные сосочки с краю, а потом продвигался всё глубже, пока за листовидными, не дошёл до желобовидных рецепторов. Когда-то мне даже делали надрез, чтобы добраться до каких-то ферментов, чьи

названия теперь приходят в кошмарах вместе с пакостной бородавкой.

После осмотра, я три раза прополоскал рот родниковой водой «Кристалл Трибьют Байкал», охлаждённой до температуры льда и сбрызнутой лимонным соком, пока челюсти окончательно не онемели. Потом выдали мою «кость» – безвкусную овсяную кашу, перемолотую до атомов. Несколько ложек клейкой дряни упали в желудок, и он, обманутый, наконец-то затих.

После этого мне позволили сесть за стол, перегороженный специальной ширмой, препятствующей распространению запахов и проникновению ненужных взглядов.

Реципиент давно сидел с другой стороны. Его приглушённый смех раздавался в те самые моменты, когда я давился при осмотре, и скрежетал зубами, глотая кашу. Он ждал, когда меня «настроят», попивая тот же «Кристалл Трибьют Байкал», только в голубых бутылках с надписью «Ограниченная партия». Из-за чего и так самая дорогая в мире вода, стоила ещё дороже.

Видеть, что именно он пьёт, я не мог, но за последние месяцы досконально изучил его привычки. Воду дешевле ста пятидесяти баксов, он за воду не считал. Это тот же *putain de merde mauvais goût*. Простите за мой французский, иногда прошлое напоминает о себе.

Чтобы ничего не отвлекало от процесса будущего наслаждения, мои руки приковали к столу ладонями вниз. С про-

тивоположной стороны болталась ещё пара наручников для следующего гостя. В рот мне вставили силиконовую капу. На глаза нацепили маску-блекаут. На затылок нанесли термопасту и ремнём притянули передатчик. Провода некоторое время касались кожи на шее, но потом их убрали. Ведь отвлекаться, даже на такую ерунду, я не имел никакого морального права.

Сигнал, как всегда, неожиданно, воткнулся в темечко, и с непринуждённостью двухдюймового бура, полез внутрь моей головы, безжалостно раскидывая мысли и ощущения, даже самые интимные. Запретных уголков для него не существовало. Реципиент не платил за стеснительность и плевал на личное пространство, даже если оно находилось в чужой голове. Каждый поворот ментального сверла ломал барьеры и скрежетал костями черепа. Казалось, что вокруг отверстия вздуваются кровавые пузыри с пеной моего самоуважения и во все стороны летят ошмётки моего поруганного серого вещества. Что они уже заляпали бесценный передатчик и теперь брызги падают на белоснежную скатерть на столе. А бур визжит на пике возбуждения и проталкивается всё глубже и глубже...

Когда боль достигла границы красного коридора, а зубы, несмотря на защитную капу, затрещали, наступила долгожданная невесомость. На несколько мгновений, я перестал чувствовать собственное тело. Эйфория окутала сознание. От волны лёгкости, поднимающей меня всё выше и выше,

хотелось петь и танцевать. А потом, я рухнул обратно. Падшим ангелом слетел с небес и с оглушительным грохотом во-
рвался в обрюзгшую немощь реципиента.

Как будто влез в чужое дерьмо или блевотину.

Удушьяющая вонь гнилых кишок затопила, не позволяя дышать. Остатки силы воли с отчаянными криками лупили в ограждение моей тюрьмы, но не могли донести до мучителя ни одной посторонней мысли или чувства. Их автоматически отсекали ещё в базовых настройках передатчика. Клиент получал только мои вкусовые ощущения, остальное, за ненадобностью, блокировалось. Я мог смотреть только туда, куда смотрит он. Брать то, что берёт он. Жевать то, что он положил в рот. Идеальный раб.

Конечно, всё было устроено немного сложнее. Я, находясь в его «мозгах» собирал всю информацию о пище, тащил в собственное тело, перерабатывал во «вкусовой коре» где-то в её островковой доле под передней крышечкой, прилегающей к нижней лобной извилине. А потом отволакивал полученные электронные импульсы обратно, насыщал ими G-белки реципиента, которые ему специально вводили перед едой, и он начинал чувствовать.

Будь проклят больной урод, который создал вирус, лишивший девяносто девять и девять десятых процента всего человечества вкуса пищи!

Преобразованный сигнал моих рецепторов дошёл до реципиента. Почувствовав вкус собственной слюны, он улыб-

нулся и поднял к губам подготовленный кусок стейка. Мой желудок, находящийся по другую сторону ширмы, там куда я не мог даже посмотреть, тоскливо заурчал. Ему не доводилось переваривать мясо уже восемь лет. Только серую белковую массу, предназначенную для поддержания необходимого уровня моего здоровья. Стейк же, приготовленный с розмарином и щедро политый соусом наршараб, уже давно превратился в недостижимую мечту девяносто девяти и девяти десятых процентов населения планеты. Оказалось, что лишившись вкуса, люди, в большинстве своём, перестают интересоваться приготовлением еды, разведением еды, охотой на еду, выращиванием еды и её селекцией. Они становятся медленными и пассивными. Они перестают желать.

Чтобы ещё больше обострить насыщенный вкус наисвежайшего мяса, (реципиент не прикасался к тому, что бегало больше часа назад) его украсили ежевикой и лесной малиной. Ягоды оттеняли говядину, превращая Japonais Filet de Wagyu à Sang Complet в консистенцию удовольствия.

Я пытался отстраниться, чтобы оставаться исключительно поставщиком вкуса, которого не лишился только по роковой случайности, как и ещё одна десятая процента людей в мире, но не мог с собой справиться. Ведь несмотря на то, что понимал мельчайшие различия между вином с южного и юго-западного склона одного и того же виноградника, чувствовал тончайшую грань между парным и несколько часов полежавшим мясом – жил как 99,9% потерявших вкус. Только

берёг свой язык и рецепторы для работы! Они обеспечивали меня, но и накладывали ограничения. Есть всё подряд, даже если бы у меня хватало на это денег, было нельзя, чтобы не утомить вкусовые сосочки. Ресторанные гастроэнтерологи строго следили за состоянием моих рецептов, ведь богатые реципиенты желали наилучшего вкуса.

Одновременно с правом решать, что нам есть, мы потеряли и всё остальное. Настоящая еда стоила сумасшедших денег, недоступных простым смертным. Только тем, кто в смутные времена хаоса сколотил свои состояния из костей и страданий.

Реципиент же, несмотря на безграничные возможности, быстро потерял интерес к гастрономическим изыскам и начал макать длинные масляные картофельные палки-фри в майонез, запивая горьким торфяным виски. От чавканья сотрясался воздух, а огромное корыто между его толстых рук дрожало от суетливых движений. Официант не успевал подливать тёмное пойло, незаметно оттирая слюну клиента со своей белоснежной манжеты. Вторая безвольно висела на пустом рукаве. А я смотрел на жирные пальцы, покрытые слоем майонеза, и ждал, когда они устанут кидать в пасть пропитанные маслом куски картофеля и выдадут свой коронный щелчок. Им он всегда сообщает об игре. Предлагает начать, и я соглашаюсь, потому, что мечтаю вырваться из его проклятого тела навсегда и есть только то, что хочу сам.

Реципиент рыгнул. Затрясся и отвалился на спинку крес-

ла. Наконец-то стало видно что-то кроме корыта с фри. Его лапа схватила протянутую официантом тканую салфетку и скомкала её, вытирая пальцы. Приложила большой к среднему. Щелчок вышел почти беззвучным. Его распухшие руки уже разучились даже щёлкать.

– Акцептор? Ну как? Руки чешутся? – пропел он. – Готов к своей русской рулетке?

– «Готов!» – беззвучно завопил я.

Не знаю, как именно он слышит мои мысли, но всегда понимает, что именно я думаю.

– Начинайте! – реципиент нетерпеливо махнул рукой.

Вышла новая жертва. Молодой официант с нервными бегающими глазами. Он затравленно оглядывался, но всё равно приближался к нашему столу. Хотя его ноги прогибались в коленях.

Причастность к творящейся здесь мерзости, всегда накапывала на меня именно в эти моменты. Хотелось заорать, что я против, что больше не буду этого делать. Что он может запихать свои деньги в свой жирный варикозный зад. Но я молчал, и боялся даже подумать об отказе.

Новенький остановился перед реципиентом и отвесил неуклюжий поклон, а потом по-крабьи двинулся за ширму.

Я знал, что там происходит. Сейчас он садится напротив моего неподвижного тела. Кладёт руки на стол и его приковывают, так же как меня. Новенький нервничает ещё сильнее, дёргается, и тогда его хватают за волосы, отводят голову

назад и насильно запихивают капу в рот. А сверху наматывают эластичный бинт, чтобы не мог выплюнуть. Он давится, стонет и дрожит ещё сильнее. Но всем уже плевать. На его голову цепляют передатчик. Если совсем начинает дурить и брыкаться, притягивают ремнём к стулу, а ноги прикручивают к ножкам.

Пока настраивают прибор, я мечусь внутри жирной туши, как загнанный заяц на окровавленной поляне. Всегда страшно, что ещё один участник нашего безумного цирка застрянет в моей голове навсегда. Что его нельзя будет выковырять оттуда. Что вечно буду чувствовать его барахтанье и ёрзание под своим черепом.

А потом он кричит. Всего несколько мгновений, но отголоски его боли отдаются эхом в нашем общем сознании.

Реципиент морщится, но всё равно продолжает улыбаться. Для его маленьких, красных, встревоженных ушей – это музыка. Я давно сижу в его проклятой башке, и знаю, что он не любит слушать ничего другого. Только безумные вопли.

Наконец новенький присоединяется к нам и притаскивает вкус своих сумбурных страхов. Они острые и кислые. Напоминают репейное масло, рыбий жир и сырую печень. Он пытается справиться с собой, сказать, что готов. Но вместо этого приходит другой сигнал. Резкий, как запах нашатыря. У реципиента хрустит челюсть. Он так широко раззявил свою пасть в идиотской улыбке, что по подбородку потекла слюна. Но его это не беспокоит. Он рассматривает широкий ку-

хонный нож, который принёс однорукий повар. Даже попробует его на баланс, покачивая на ладони. Остаётся доволен и кивает.

У новенького истерика. При виде ножа, его вкус меняется до протухшего масла из-под шпрот, сдобренного мускусом. Я же, окончательно перестаю его жалеть. Отступить уже поздно, и его поражение – это моя победа.

Повар уходит за ширму. Мне хорошо известно, что теперь он кладёт кухонный нож на стол между нашими руками и раскручивает. А пока лезвие мелькает, показывая то на одного, то на другого, повар достаёт короткий, широкий топор. Обходит нас со спины, примеривается то ко мне, то к новенькому. А сам, всё время косится на кухонный нож. Тот уже замедлился, делая последние обороты. Вот его лезвие едва двигается и показывает на...

От безумного вопля, подскакивает даже реципиент, но тут же расслабляется и громко бздит. Крик отчаяния и ужаса ещё несколько мгновений висит в воздухе, но внутри нашего общего тела ничего не слышно. Чтобы я не понял, что произошло, новенького уже отключили от передатчика, почти сразу после удара. А мне надо угадать, чья рука теперь разбрызгивает кровь, отделённая от локтя. Крик ничего не значит. Новенький мог завопить со страху, даже если разрубили меня, а не его. Поэтому придумывать заранее нельзя. Надо ждать дегустацию.

– Молчишь? – ядовито пыхтит реципиент. – Хочешь чу-

жими руками жар загребать? А ведь мальчик за тебя руку отдал... – но не сдерживается и начинает хихикать.

Я строго контролирую мысли, ни одну не выпуская наружу. Хоть это и очень тяжело. Ждать, придётся как минимум сорок минут.

Мой мучитель снова начинает жрать. Но на этот раз разминается пастой с креветками и сливками из розового молока яка. Вкус средний. Обычные сливки подошли бы намного лучше, тем более в блюде столько кинзы, что она забила даже креветки. Это так же точно, как подтверждённые мной звёзды. В оттенках вкуса мне нет равных. Гастрокритик комиссии по звёздам не ошибается. Только превращается в ничтожество из-за проклятого безумца с проклятым вирусом.

Я запрещаю себе думать, что моё тело за ширмой истекает кровью. Уверен, что в случае чего ему окажут помощь. А на новенького мне плевать, его уже наверняка увели в подсобку, незаметно, чтобы я не понял, кто остался без руки.

Пусть это будет он.

Реципиент не доедает пасту. В желудке у него всё булькает, и чтобы побыстрее расщепить съеденное, он выпивает какие-то ферментирующие средства. Вкуса у них нет.

А пока приносят лёгкие закуски: сыры, колбасы и виноград на огромном подносе, занимающем половину стола. Откуда-то из подсобных помещений долетает хриплое нытьё новенького. Я снова взлетаю в облака, как во время подключения, но реципиент многозначительно хмыкает и закиды-

вает в рот виноградину.

Я сжимаюсь в точку. Чувствую то, что не могу чувствовать – как из ровного среза на руке, оставленного поварским топором, выбиваются густые струи моей крови, а перерезанные мышцы сокращаются и тянут из меня остатки сил. Терпеть больше невозможно, но время растягивается, как резиновый жгут.

Снова доносится истеричный плач новенького, и я успокаиваюсь. *On ne change pas une équipe qui gagne!* Реципиент прислушивается, но больше ему меня не подловить, поэтому он не отвлекается и поднос помаленьку пустеет. Чтобы не смотреть, пытаюсь повторять старые заголовки газет с моим именем, но его движения постоянно сбивают. Сыр, колбаса. Колбаса, сыр. Самая маленькая виноградина. А потом всё заново, только без виноградины. И снова сначала.

Когда на подносе остаётся только несколько виноградных веток, я обещаю себе больше никогда не играть в эту проклятую игру.

– В следующий раз, за твои золотые руки заплачу в три раза больше, – усмехается реципиент, но ответа так и не дожидается.

Хотя мы оба прекрасно знаем, что я не откажусь. Слишком глубоко увяз в этом безумии, не меньше чем он.

Поднос убирают, и на стол опускается огромная сковорода. Жар распространяется вокруг, но не греет, а испепеляет остатки самообладания. Всё как на звёздной комиссии во

Франции, Японии или Арабских Эмиратах. Кровь приливает к голове, дышать нечем, но ошибиться, значит признать свою некомпетентность. Крышка медленно, медленно, очень медленно поднимается. К потолку взмывает облако густого пара, распространяя аромат лаврового листа, можжевельника и чеснока. Следом доносится перечное послевкусие и оттенки кориандра. Мне даже кажется, что теперь глазами управляю я, потому, что смотрю и смотрю на подобие рульки, обмазанное горчицей и запечённое до хрустящей корочки. Но это не так!

– Какую часть предпочитаешь? – как всегда спрашивает реципиент, но как всегда не слушает и выбирает край, обильно сдобренный специями.

Отрезает кусок ножом, подцепляет вилкой, забрасывает в наш рот и жуёт.

Я пытаюсь уловить что-то знакомое. Должен же я что-то почувствовать? Ведь различаю же тончайшую грань между парным и полежавшим мясом. И мне, как всегда, кажется, что понимаю. Уверенность накатывает волнами. Всё моё естество отправляет сигнал: «Не моё!».

– Думал снова нагреешь руки? – спрашивает реципиент, дожёвывая мясо.

Медленно поднимается и толкает ширму опухшими пальцами. Смотрит на моё неподвижное тело, прикованное к столу, и ухмыляется. Обрубленная по локоть правая рука, чуть подрагивает, перетянутая жгутом. Лужа крови, разлившаяся

по скатерти, уже свернулась и загустела.

Я пытаюсь кричать, но из нашего рта раздаётся только смех. Его булькающий, издевательский хохот. Он трясётся. Дрожат щёки, подбородок. Подпрыгивает обтянутый рубашкой живот. Спазмы проходят по всему телу, пока не превращаются в короткий взмах руки и невнятную команду:

– Отклчай!

И тогда, я проваливаюсь в адскую бездну. Падаю через все круги ада. Мимо отчаявшихся мучеников. Сквозь их истерзанные души. Через тьму и ужас, пока не занимаю отведённое мне место.

Истерзанное тело щедро делится накопившимися судорогами. Они рвут, кромсают, душат. Подтянув культю к лицу, я смотрю на ровный срез и не могу поверить.

– Ты проиграл, – расстроено выпятив нижнюю губу, бормочет реципиент. – Что теперь?

– Убью! Это была не она...

Я попытался вскочить, но цепь с защёлкнутым на левой руке браслетом, дёрнула обратно за стол. В его центре, всё ещё лежал кухонный нож. Я попытался схватить его. Но для этого нужны пальцы, которых у меня больше не было. Взвыл и заметался, повторяя:

– Не она. Не она. Не онааааааа...

– Уверен? – задумчиво уточнил реципиент. – Если хочешь поспорить, держи себя в руках и готовь вторуюю.

Меня затрясло. Резкие спазмы катились от локтя к плечу

и ноющей болью отдавались в сердце. Губы напряглись и поползли вверх, оголив оскал.

– Это была не она!

От моего крика затряслась хрустальная люстра под потолком, но мой мучитель даже не дёрнулся. Только заулыбался ещё шире.

– Ладно, ладно, – его обрюзгшее лицо совсем обвисло, будто тесто вылезшее из кастрюли. – Ты выиграл. Это была не она. Принесите!

Пришёл давешний однорукий официант с подносом. На льду лежала моя правая рука с татуировкой пяти звёзд на запястье. Совсем синяя и холодная, даже на вид.

– Решил, что есть твою руку – будет противно. Костик отправит тебя в клинику. Её пришьют. Не благодари, – реципиент повернулся и медленно потащился через зал.

Раскачивающаяся люстра разбрасывала мертвенные тени, и в их безумной круговерти он выглядел, как старая жаба, выбравшаяся на кочку в ясный летний день. Ядовитая жаба, уже заразившая своим ядом всех, до кого смогла дотянуться. Её надо было раздавить, уничтожить, чтобы больше никто не сидел на цепи с отрубленной рукой. Не отдавал свои оголённые чувства на потеху больным извращенцам. Не...

Мучитель поманил пальцем, и к нему тут же бросился метрдотель.

– Что изволите? – спросил он.

– Проследи, чтобы руку ему пришили большим пальцем

вниз.

Хохот ещё рассыпался по залу, когда меня дёрнули за натянутую цепь. Невредимую руку освободили, и я вскочил, зыряка безумными глазами. Сегодня всё складывалось как нельзя лучше, даже лучше, чем можно было рассчитывать. Настоящего освобождения не будет! Он продолжит резать меня на части, пока не превратит в бесчувственный кусок мяса. Слышал, что я у него девятый...

– Если вкуса нет у тебя, не будет и у остальных? Это твоя миссия на земле, подчистить... добить акцепторов?

Реципиент остановился у выхода из зала. Тяжело опёрся на створку дубовой двери и повернулся.

– А в чём же твоя? – взревел он.

Метрдотель, которого снисходительно называли Кости-ком, нервно дёрнул меня за плечо:

– Совсем мозги потерял? Вали в клинику, машина ждёт...

– Хочу торжественный ужин, – я повысил голос. – Давай, как всегда! И тому жирному скоту принеси, он ещё не нажрался.

Костик сжался, но всё же посмотрел на гостевые двери зала.

Хмурый взгляд реципиента прояснился.

– Хочешь ещё раз сыграть?!

Я закивал и покалеченная рука взорвалась огненной вспышкой. Пришлось прижать её груди, чтобы успокоить.

– Потерпи, ещё немного, и всё кончится. Навсегда, – лас-

ково забормотали мои пересохшие губы.

– Хочу твою голову! – рявкнул мой мучитель, начав обратный путь к столу.

– Только если сядешь напротив, – так же резко бросил я и опустил на стул.

Голова кружилась. Сказывалась потеря крови и скудное питание. Если срочно не восстановлю силы, то грохнусь в обморок.

– Где мой ужин?

Костик поморщился и бросил брезгливый взгляд на поднос со льдом, где лежала моя отрубленная рука.

– Если там что-то отомрёт, на меня потом не пеняй!

Я усмехнулся.

– Где мой...

Безрукий официант уже спешил с моим обычным заказом: витаминный салат из овощей, зелени и поддельной соевой спаржи сдобренной витаминной химией. После выполнения обязанностей мне надо было срочно восполнить запас сил. Процедура переноса сжирала тысячи калорий, а заодно подъедала кальций и другие полезные вещества. Ещё нужно было добавить острого, кислого и приторного, чтобы простимулировать мою «вкусовую кору», но на это, заказчики обычно не раскошеляются. Приходится применять специальные препараты.

Официант сдвинул окровавленную скатерть и положил вилку на грязный стол. Она тут же потонула в багровой вяз-

кой луже.

– Сука, – выдавил я.

– Не стоит благодарности. Мы все давно ждали, когда вы проиграете.

Я попытался руками впихать в себя праздничный ужин, но стол «нечаянно» толкнули и тарелка отъехала на другую сторону. Туда, куда я не мог дотянуться. Сил, чтобы подняться, уже не было. Поэтому, пока реципиент тащился через зал, оставалось только смотреть на свою правую руку, обложенную ровными кубиками прозрачного льда. Она меня уже не впечатляла. Даже татуировка, изводящая флешбэками счастливой прошлой жизни. Её всё равно уже не вернуть. Даже если удастся прикрутить руку обратно.

– Когда повар оттяпает твою жирную клешню, закажу из неё жаркое с каперсами, маринованными огурцами и сладким перцем.

Мой крик долетел до потного, уставшего реципиента. Он фыркнул, и побелевшие губы расползлись улыбкой.

– Твою башку вскроют болгаркой, мозг зажарят во фритюре, а потом принесут мне на огромном блюде с...

– Только ты не почувствуешь вкуса!

Мучитель вздрогнул и замедлил свой усталый шаг, словно раздумывал не повернуть ли обратно к выходу.

– Зато твою руку, можем попробовать вместе. Угощаю!

Его лицо побагровело, а толстые шаркающие ноги задвигались быстрее.

Добравшись до стола, он тяжело осел в пододвинутое кресло напротив меня.

– Вы действительно... – начал бледный Костик, но реципиент замахал рукой.

– Пошёл к чёрту, – задыхаясь выдавил он. – Зови...

Повар появился рядом, почти мгновенно. Его рябая рожка с блёклыми бесчувственными глазами, будто соткалась из затвердевшего воздуха.

– Играем, – выдохнул реципиент. – Ему руби шею.

Метрдотель с трудом вдохнул и даже посинел, но всё же коротко кивнул в знак согласия.

– Давай побыстрее! Жду, не дождусь главное блюдо! – брякнул я.

Повар пожал плечами, наклонился и крутанул кухонный нож.

Лезвие засверкало в свете хрустальной люстры. Замелькало, на несколько мгновений превратившись в серебряный диск. Каждый оборот, отдавался в моих ушах тонким, почти неразличимым свистом рассекаемого воздуха.

Реципиент всё ещё астматически пыхтел, покачиваясь в кресле. Его маленькие, заплывшие глаза, ни на миг не отрывались от лезвия, словно намагниченные. А когда нож замедлил свой дьявольский танец и начал останавливаться, и вовсе прилипли к острым граням. Даже голова стала повторять замедленные движения.

У меня потемнело в глазах. Надо было отобрать свой

ужин. А то теперь, как мокрая тряпка, нет сил даже руку поднять. Продержаться бы ещё несколько секунд, чтобы посмотреть на то, о чем мечтал последние восемь лет. Только бы не подвёл разваливающийся организм. Чтобы хотя бы увидеть, как опускается топор.

Лезвие раскидывало последние блики. Медленно поворачивалось ко мне. Плотно и резко вздрагивало. Тянуло острей.

Что-то лопнуло в голове. Микроскопический взрыв, сотрясший мою микровселенную.

Нож прокрутился ещё и остановился, указывая на реципиента.

Повар вздёрнул руку. Мелькнул короткий, безумно острый топор. И обрушился на столешницу. В нескольких сантиметрах от сжавшегося кулака реципиента.

Я отстранённо смотрел, как отодвигается кресло и ему помогают встать. Как он дёргает на животе прилипшую рубаху. Как резко взмахивает обеими руками. Хватается за свою зажившее сердце.

– Ты уволен!

Но его нелепая угроза уже не имеет никакого значения. Потому, что я победил. Отобрал у него своё право решать, что мне есть и каким вкусом наслаждаться.

Реципиента уводят, он с трудом шевелит ногами и стонет от каждого шага. Надеюсь, эта сволочь сдохнет ещё до рассвета. А обо мне будут слагать легенды. Чтобы добить его, хотелось поднять со стола свою отрубленную руку и пома-

хоть на прощание, но не получилось даже пошевелиться. Победы отнимают слишком много сил. Теперь надо отдохнуть, а лучше поесть и проглотить стимуляторы.

Но в коридоре погасили свет.

Опустела кухня и подсобные помещения. Их заперли, можно подумать, я бы смог до них доползти.

Победителя не трогали, отдавая последнюю дань уважения. Мне хотелось, чтобы было именно так. Но на самом деле, реципиент бросил перед уходом, чтобы меня сгноили в этом зале. Ресторанный гастроэнтеролог, как единственный медик, попытался вяло возражать, что в моем состоянии при сильном дефиците полезных веществ в организме и потери около 20% ОЦК, это может, как минимум, привести к нарушениям гемодинамики, что закончится фатально. Но его послали нахрен и он заткнулся.

Они почти все ушли.

Но прежде чем тьма опустилась на ВИП-зал, одорукий официант раздёрнул шторы. И в тёмном окне, во вспышках всё ещё мигающих фонарей, засветилась расплывчатая надпись: «Берегись паразитов! Они живут в нас!».

Он ушёл, ехидно ухмыляясь. А я облизал пересохшие губы. Давным-давно мне рассказывали, что ленточные черви из-за упадка сил, могут сожрать до 95% собственного тела. Они оставляют только мозг и нервную систему. Потому что даже эти паразиты могут остановиться. Я посмотрел на свою руку обложенную льдом на подносе. Перед глазами плыло, в

голове что-то пульсировало, но мне казалось, что при большой потере ОЦК в моём состоянии необходимо срочное переливание. А ещё нужен белок и полезные вещества, и я знаю, где всё это найти. Потому что в отличие от настоящих паразитов, такие как я, ни перед чем не останавливаются. П n'y a pass de raccourci pour aller la ou ca vaut le peine d'aller!

Я пододвинул поднос.